

«Гибкость ума»

Речь пойдет о гностической добродетели так называемой «гибкости ума» как об измышлениях падшего разума человека, которые он использует для обхождения традиционных норм, для нарушения различных законов и ухода от ответственности за совершенное преступление, для приспособления к падшей цивилизации, для легализации всевозможных отклонений от канона, одним словом, для мнимого оправдания греха. Поэтому по своей логической структуре «гибкость мышления» представляет собой софизм (ложное умозаключение) или ложный аргумент. Самый первый в истории человеческого рода случай «гибкости ума» – это змееподобный ответ Адама после грехопадения на вопрос Бога: «не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел» (Быт 3:11-12).

Если задаться вопросом, почему А.Кураев и близкие ему по духу деятели церковной реформы оказались в числе противников СВО, то одним из основных мотивов этого окажется то, что объектом глаголемой «агрессии» России на Украине (в глазах церковного модерниста) является «молодая республика», то есть, «демократические завоевания» Майдана. И будучи сам по своей натуре типичным революционером, представитель новой «ортодоксии» инстинктивно сочувствует малороссийским «свідомым» как носителям одного с ним «культурного кода», представителям той же либеральной «системы ценностей». А так как природа специальной военной операции, проводимой ВО РФ на территории Украины, именно анти-, или контрреволюционная, она и оказывается в непримиримом противоречии с самим мировоззрением модерниста, подспудно угрожая его собственному существованию как подвида сапиенсов, а именно, либерала как Человека Свободолюбивого. Или – гностика как Человека Духовного, или Свидомого (Сознательного).

Гностицизм есть религиозная софистика, переносящая на человека атрибуты Божества, свойства и функции божественной природы и, в частности, абсолютную свободу, «неуправляемость не для кого», кроме собственной воли как верховного закона бытия. Это вообще основной догмат нового гностицизма, новой религии Сверхчеловека, начиная с масонов Просвещения.

«Таким образом, безусловно добрая воля, принципом которой должен быть категорический императив, неопределенная в отношении всех объектов, будет содержать в себе только форму воления вообще, и притом как автономию, т.е. сама пригодность максимы каждой доброй воли к тому, чтобы делать самое себя всеобщим законом, есть единственный закон, который воля каждого разумного существа налагает сама на себя, не полагая в качестве основы какой-нибудь мотив или интерес» (Кант И. Основы метафизики нравственности / Кант И. Полн. собр. соч. М., Мысль», 1965. Т.4, ч.1. С.288).

Человек в новой религии гностического либерализма (или религиозного гуманизма) есть потенциальный носитель «безусловно доброй воли», достижение которой является задачей его исторического развития. Отсюда – принцип революции как воли к осуществлению этой сверхзадачи, стоящей

перед новым человеком. Все революции Нового времени – это попытки воплотить в жизнь эту гностическую утопию, это «лжеименное» кабалистическое «знание» о человеческой природе, догматизированное человеком эпохи апокалиптического Отступления. Соответственно, на Христианство (догматическое учение канонической Церкви) новый гностик смотрит, наоборот, как на «ложную религию», считая свой антропотезис «истинным христианством». Принцип нравственности исторического Христианства, где Бог является Судией, справедливо воздающим Своим созданиям по их делам, объявляется в новой религии «ненастоящим принципом нравственности», так как он ущемляет абсолютизм свободы человеческой воли. В Православии источник нравственного «закона», или принцип должного, находится вне человека, а «внутри» человека он оказывается (или «воипостазируется» – в терминах паламизма) только посредством божественной благодати. Для новой религии в Христианстве плохо то, что

«не воля дает сама себе закон, а закон этот дает ей постороннее побуждение при посредстве природы субъекта, расположенной к восприятию этого побуждения» (Кант И. Основы метафизики нравственности. Цит. изд. С.288).

В гностицизме же «закон» (абсолютное, божественное) и «воля» (человеческое, относительное) это одно и то же: знание «должного» (ведение «добра и зла») здесь имманентно человеку, природно присуще его разуму, и поэтому может быть исторически актуализировано волей человека как его «практическим разумом» (термин кантианства). Необходимость Божьих заповедей для ориентации человека в мире Божьем обусловлена тем же, чем обусловлены законы государства, а именно, несовершенством разума человека и порочностью его воли, неведением добра и зла и неспособностью непреклонно следовать добру при его знании. И то, и другое отменяется новой «метафизикой нравственности» как отсталая «гетерономия» (внешний характер принципа должного, когда кодекс закона написан где-то еще, кроме разума или сердца самого человека, врожденных ему понятий).

«Автономия воли как высший принцип нравственности есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления). Принцип автономии сводится, таким образом, к следующему: выбирать только так, чтобы максимы, определяющие наш выбор, в то же время содержались в нашем волении как всеобщий закон» (Кант И. Основы метафизики нравственности. С.284).

В Христианстве такое возможно только в святых как достигших реального обожения. Потому что таковые являются уже носителями и исполнителями божественной (а не своей) воли, которая, действительно, автономна и является всеобщим законом, будучи благой по собственной природе. В гностицизме же этот принцип существования божественной воли переносится на человеческую волю в ее эмпирическом состоянии. Поэтому и высшей судебной инстанцией над человеком здесь оказывается его собственная совесть как голос «всеобщего закона» в нем.

«...я не мог бы припомнить после своей смерти, чем я был в течение жизни, если бы не припоминал одновременно и того, что я чувствовал, а следовательно, и того, что делал; и я не сомневаюсь, что это воспоминание будет составлять некогда блаженство добрых и мучение для злых. Здесь на земле тысяча пылких страстей заглушает внутреннее чувство и обманывает совесть. Унижения, неприятности, навлекаемые упражнением в добродетелях, мешают нам чувствовать все их прелести. Но когда, освободившись от иллюзий, порождаемых в нас телом и чувствами, мы будем наслаждаться созерцанием Верховного Существа и вечных истин, источником которых Оно бывает, когда красота порядка будет поражать все способности нашей души и мы будем заняты единственно сравнением сделанного нами с тем, что мы должны были бы делать, тогда-то именно голос совести вновь получит свою силу и власть, тогда-то неистощимые чувства чистого наслаждения, проистекающего от довольства самим собою, или горького сожаления о своем унижении и будут тем жребием, который каждый себе приготовит» (Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры савойского викария. Цит. по изд.: Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М., «Педагогика», 1981).

Но поскольку новая религия является ложной, или утопической, ставящей перед человеком заведомо невыполнимые задачи, реальными «достижениями» всех гностических революций оказывается не реализация «высшего принципа нравственности», как это декларируется идеологами Лондона и Парижа, Уолл-стрита и Майдана, Октября и Постдама, но – новые рубежи аморализма, бесчисленные преступления нового человека в качестве «верховного существа». Для оправдания этой темной революционной практики гностик как религиозный софист продолжает использовать свои мифические «добродетели» Вольного Каменщика (Человека Волевого, или Свидомого). Одной из таких гностических «добродетелей» и оказывается «гибкость ума».

«У любого переворота есть свой неоспоримый плюс: он толкает, выдвигает вперед молодых. Нацизм вызывает у меня отвращение. Но как и французская революция, с которой его даже стыдно сравнивать, нацистская революция поставила во главу государства людей в расцвете сил, обладающих быстротой и гибкостью ума, оригинальным мышлением, которые не действовали по уставу, а жадно впитывали все новое и полезное для них. Мы же могли им противопоставить лишь лысеющих стариков и молодых людей, которые в душе давно уже состарились» (Марк Блок. Странное поражение. М. 1999. С.175)» (Кураев А. [Геронтократы и Майдан](#)).

Иными словами, Кураев как представитель богословского модернизма приводит этот топорный софизм французского либерализма как образчик «глубокомыслия», как одну из «вечных истин», которую не может ни разделять всякий человек с «сердцем и умом», каждый «развитой человек». Если в традиционном представлении (в Священном Предании, в частности), молодость в основном ассоциируется с глупостью, а зрелость – с жизненным опытом (отсюда – возрастная ценз для священства, сам принцип

патриаршества в Церкви), то в гностицизме как антихристианстве все ровно наоборот: здесь правят бал именно молокососы, умственные – прежде всего. Потому что это естественная религия, или религия естества, или просто язычество. Отсюда и «гибкость ума» как основной логический инструмент гностицизма как «негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (Тим 6:20). Пресловутая «гибкость мышления» богословского модернизма оказывается обыкновенной софистикой как «счастливой» способностью нарушать традиционные нормы в меняющихся условиях жизни. Если в Ортодоксии добродетель как раз и заключается в способности «действовать по уставу», что и означает исполнение «должного» (того, что золотом выгравировано на мраморе свидомых сердец), то в новой религии (в результате ее описанной выше эволюции, или самоотрицания, исторического перерождения из «нравственной метафизики» – в революционную анархию и аморализм) исполнение должного («устава») становится уже гностическим «грехом», а попрание должного, соответственно – признаком гностической «добродетели» «гибкости мышления».

Поэтому и СВО России по денацификации и демилитаризации Киевского режима (то, что является исполнением должного – в ортодоксальной системе координат) для «кураевых» есть зло, покушение на свободу человеческой личности как «святая святых» нового гностицизма. Тогда как бесконечная ложь западной пропаганды как оправдание либерального тоталитаризма и терроризма «лучших людей» в отношении непокорных их воли к абсолютной власти – это именно примеры блаженной «гибкости ума», верности заветам таких отцов нового гностицизма как Руссо и Кант.

Или – Георгий Флоровский, осуществивший с помощью стандартного софистического инструментария, или гностической добродетели «гибкого мышления», в ортодоксальном богословии ту же революцию, что Робеспьеры и Зеленские – в политической жизни. Поэтому одним из результатов лжепатристического богословия Флоровского вследствие его усвоения разумом «коллективного Кураева» (то есть, бесчисленных последователей «парижской школы» Флоровского, всех этих, как «мудрые змеи», «гибких умом» новых богословов), закономерным итогом этого становится разрушение догматов и канонов Церкви, что, в конечном счете, выносит их самих за «границы Церкви», которые новые «ортодоксы» пытаются расширить до границ мира, то есть, сделать их столь же «эластичными», как их собственное мышление, «динамичное», как «живая жизнь», как выражались предтечи Флоровского – Хомяков и Достоевский. Лучшая тому иллюстрация – сам запрещенный в служении протоиерей Андрей Кураев, докатившийся до апологии украиноподобного Майдана.

Еще один выразительный пример – «открытое письмо» другого запрещенного в служении бывшего клирика РПЦ – абхазского архимандрита Дорофея (Дбара), которое Кураев помещает в своем ЖЖ как паноптикуме «гибкого мышления».

«Открытое обращение к Предстоятелям и Священным Синодам Поместных Православных Церквей.

Дорогие Отцы, Предстоятели Поместных Православных

(Кафолических) Церквей и Епископы, входящие в составы Священных Синодов (собраний епископов) Поместных Православных (Кафолических) Церквей!

Прошу не воспринимать такое обращение к вам как недопустимую фамильярность и неуважение к вашим высоким священным санам. Я сознательно не использую в тексте данного обращения разного рода церковные эпитеты, как-то — «Ваше Всесвяттейшество», «Ваше Святтейшество», «Ваше Блаженство», «Ваше Высокопреосвященство», «Ваше Преосвященство» и целый ряд прочих титулов и обращений, вошедших в церковный обиход применительно к христианскому духовенству в средние века, поскольку все они противоречат Евангельскому учению и традиции древней Церкви Христовой» (архим. Дорофей (Дбар). «Вам должно быть совестно перед паствой Абхазии!» / [Jul. 29th, 2022](#)).

Дальше, как говорится, можно было бы не читать, потому что сразу видно «гибкого умом» церковного человека, то есть, штампы богословского модернизма («темные века» средневековья как искажения «древнего христианства» и т.д.), заменяющие в новой «патристике» мышление как таковое. И дальше можно было бы не читать, если бы не замечательный по своей прямоте пример причинно-следственной связи, свидетельства о том, как именно делаются такими дипломированными софистами с одной единственной извилиной Майдана в голове.

«Один из величайших богословов XX века протоиерей Георгий Флоровский (1893–1979) в одном из писем, адресованных не менее известному церковному деятелю архимандриту Софронию (Сахарову), рассказывал с удивлением и болью следующий показательный случай. В 1963 году на конференции в Нью-Дели, где отец Георгий Флоровский представлял Константинопольскую Церковь, к нему подошел один из делегатов Русской Православной Церкви, архиепископ Никодим Ротов (впоследствии митрополит, один самых одиозных иерархов РПЦ второй половины XX века, учитель и наставник нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла). Архиепископ Никодим спросил отца Георгия наедине: «Не огорчаетесь ли Вы, в глубине души, что Вы не в той Церкви, где были крещены?». На это отец Георгий ответил с изумлением: «Я никогда не думал, что был крещен в “Русской Церкви” и что такая существует. Есть только Православная Церковь». <...> Величайший русский богослов XX века протоиерей Георгий Флоровский, слова которого я уже приводил, не мог себе даже представить, как далеко зайдет Русская Церковь в умалении и забвении Вселенскости или Кафоличности Православия!» (архим. Дорофей (Дбар). «Вам должно быть совестно перед паствой Абхазии!» / [Jul. 29th, 2022](#)).

Не мог себе вообразить Флоровский и того, чем обернется его революционная идея «синтеза» патристики с гностическим идеализмом Нового времени. А именно, тем, что вообще все исторические формы Церкви будут восприниматься его «дальше пошедшими» учениками как искажающие Евангелие... То есть, подлежать нигилизму церковных реформаторов будет

сама святость Церкви, ее историческая жизнь в благодати Святого Духа, творящего эти формы, в том числе – те церковные уставы и катехизисы, которые Флоровский объявил «схоластическими», недостаточно «гибкими» для «свидомой» человеческой личности. В результате чего «кафоличность», в которой Флоровский отказал отдельным Поместным Церквям (Русской – в частности) оказалась чистой абстракцией, или гностическим софизмом.

И верным маркером заражения самого Флоровского гностическим духом эпохи Апостасии выступает все та же пресловутая «гибкость», неизменно выступающая у него отнюдь не пороком, но добродетелью мышления, признаком необходимого «творчества», или глаголемого «синтеза» нового религиозного «знания». Так, за *«изящно-гибкую критику [историософской] теории прогресса»* похвалы от Флоровского удостоивается Герцен (Флоровский Г. Вечное и преходящее в теории славянофилов / Флоровский Г. Христианство и цивилизация. СПб., 2005. Изд. РХГА. С.99). А *«гибкость диалектики»* ставится в достоинство гностической книге П. Флоренского «Столп и утверждение истины» (Флоровский Г. Человеческая мудрость и премудрость Божия / Флоровский Г. Христианство и цивилизация. Цит. изд. С.117). И это именно та «диалектика», которая табуирована в Христианстве как скрытый демонизм мышления: «да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф 5:37).

«...мы стоим перед веками накопленными в культурном процессе подлинными человеческими ценностями, созданными и носимыми в духе христианского послушания и преданности Божией правде. В данном случае важно то, что античная культура оказалась достаточно гибкой, чтобы воспринять внутреннее “преображение”. Или же, другими словами, христиане доказали, что возможно переориентировать культурный процесс, не впадая в пред-культурное состояние, придать иную форму самому строю культуры, в новом духе» (Флоровский Г. Вера и культура / Флоровский Г. Христианство и цивилизация. Цит. изд. С.665).

Это, безусловно, и есть та самая теория исторического прогресса («духовного развития человечества» до Царствия Небесного) немецких гностиков и русских славянофилов, за «изящно-гибкую» критику которой Флоровский хвалил Герцена. И так всегда у «величайших богословов XX века»: никогда ничего недодумать до конца, смешивать все «накопленное веками» идеологии мира в одном вавилонском котле «всеединства» не хуже тех же Гегеля и Шеллинга, Соловьева и Хомякова.

Более банальные примеры «гибкости ума» приносят ежедневные сообщения в СМИ о софизмах тоталитарного либерализма.

Например, в США сейчас поднимается волна общественного возмущения в связи с вынесением в России судебного приговора американской баскетболистки-лесбиянки Бриттни Грайнер, задержанной при досмотре в Шереметьево и осужденной на девять лет колонии за контрабанду наркотиков. Казалось бы, какие могут быть протесты, если факт нарушения закона выявлен, вина доказана правосудием и признана самой осужденной... Ан нет. Сам президент Байден выступил с требованием освободить

американскую гражданку, бесчеловечно разлученную со своей «любимой женой»... При этом совсем недавно России удалось добиться освобождения (путем обмена) из американской тюрьмы летчика Константина Ярошенко, который отсидел там 11 лет даже не за ввоз наркотиков в США, но за одно только «намерение» это сделать. То есть, у американского правосудия не было против Ярошенко ничего, от слова совсем: ни одной улики. Только – пришитое к делу «преступное намерение». Как выяснилось позже, россиянина американской Фемиде «заказал» один американский бизнесмен, интересы которого пересеклись с предпринимательской деятельностью Ярошенко в Либерии. Тогда как кальвинистская «теократия» англосаксов (религия «политического предопределения» их мирового господства) как раз и заключается в присвоении себе всего мира, все материальные ценности которого априори рассматриваются как «нужные Господу» в лице англосаксов как полномочных представителей Абсолюта на земле. То есть, эта такая паранойя, которую из головы янки можно выбить только бейсбольной битой, или вместе с его орлиными мозгами. Поэтому россиянина в США можно осудить на 20 лет за один лишь помысел о ввозе наркотиков. А американцу в России нельзя давать и года за реальный ввоз наркотических веществ. И это тоже классический пример гностической «диалектики», блаженной добродетели «гибкости ума». Или типичный пример того, чтобы бывает, когда «воля сама себе дает закон», что порождает Робеспьеров и Троцких, Флоровских и Кураевых, Байденов и Зеленских...

Александр Буздалов